

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЭСТОНСКОЕ ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ

“USTAVUS”:

сохранение традиционной культуры, борьба с пьянством или объединение социал-демократов?

А. Г. ВЛАСОВ,

*начальник отдела военно-исторической и поисковой работы
ГБУ ЛО «Центр «Патриот»
(г. Санкт-Петербург, РФ)*

Уже в конце XIX в. люди знали о колоссальной вреде злоупотребления спиртными напитками, которое «вызывает целый ряд изменений во внутренних органах лиц, предающихся пьянству...» [6, 3]. По статистике, в 1894 г. в России на душу населения приходилось 0,31 ведра (3,8 л) безводного спирта. В Санкт-Петербургской губернии на одного человека приходилось гораздо больше – 0,72 ведра (8,9 л) безводного спирта в год [4, 18]. На рубеже XIX и XX вв. во многих городах Российской империи для борьбы с пьянством были образованы общества трезвости. Они объединяли односельчан, рабочих заводов и фабрик; создавались общества трезвости и при религиозных учреждениях. Так, к 1911 г. только церковных обществ трезвости было открыто 1767.

Деятельность обществ была очень разнообразной: велись беседы, проповеди, раздавались книги, организовывались лекции, чаепития, паломнические поездки, экскурсии, антиалкогольные выставки; во многих обществах работали столовые, библиотеки, собственные театральные труппы... По подсчетам А. Л. Афанасьева, к 1911 г. в России в обществах трезвости состояло свыше 500 000 чел., т. е. больше, чем во всех политических партиях [2, 29–43]. Деятельность обществ трезвости поддерживалась императором Ни-

колаем, который писал: «...желаю всемерного распространения по всей земле Русской трезвенного движения!» [19, 600]. Национальные общества, получившие бурное развитие в середине XIX в., не стали исключением и присоединились к всеобщей идее борьбы с пьянством.

«Эстонский люд... мало чем отстает от русских: иногда эстонский гуляка даже перещеголяет русского, особенно в последствиях загула» [5, 24]. Эстонский автор статьи, опубликованной в журнале «Вестник трезвости», виновниками повсеместного пьянства среди соплеменников видит немцев, которые поработили предков эстонцев, «бедные же рабы <эстонцы> находили забвение в вине и на мгновение чувствовали себя людьми» [32, 25]. Далее этот же автор обвиняет немцев в «спайивании» эстонского народа путем распространения водки. «Летописец прибалтийского края, Генрих Латышский, пишет в своей хронике, что наши <эстонские> предки до вторжения немцев не знали и не употребляли других напитков, кроме: воды, молока и меду. <...> Некоторые распространители этого пагубного напитка <водки> должны были назначить награду тем, кто больше выпьет водки... Способствовала распространению пьянства и вера в разные мнимые свойства водки: ей приписывали чуть не чудодейственную способность исцелять от бо-

лезней, согревать в мороз и проч. ... Почти повсеместно при мызах владельцы их, немцы помещики, устроили винокурни. Водка из винокурень возилась крестьянами в города; дорогой возницы, конечно, не упускали случая хлебнуть чужой водки и постепенно приучались к пьянству... В интересах путников, особенно крестьян, идущих в город с товарами, с водкой, хлебом, льном и прочими продуктами сельского хозяйства, – Шведский король Карл IX дал в 1601 году владельцам мыз приказ устраивать по проезжим дорогам постоянные дворы или корчмы с правом продажи крепких напитков» [32, 25].

Бесспорно, водка активно распространялась среди эстонского населения, выше были отображены, говоря современным языком, многочисленные коммерческие ходы владельцев винокурень, широко распространенные и сегодня в отношении различных товаров. В том же периодическом издании находим заметку о пьянстве в учебных заведениях: «...ученики латыши и эстонцы все пьют в значительном количестве пиво и хорошо знакомы со вкусом и действием водки. Вообще местное население пьет гораздо более, нежели крестьяне в России» [8, 30–31]. Таким образом, по злоупотреблению спиртным эстонцы не стали исключением среди многочисленных народностей Российской Империи.

В конце XIX – начале XX в. эстонские национальные общества трезвости на Северо-Западе России были открыты в Ямбурге [30], Валке [24], Риге [26], Пернове [25], Дерпте [28], в Гапсале [12]. По данным А. Л. Афанасьева, всего к 1911 г. было открыто 56 эстонских обществ трезвости (20 в городах и 36 в селах) [2, 37]. На наш взгляд, эти данные занижены, так как только в Лифляндской и Эстляндской губерниях уже к 1900 г. функционировали 38 обществ [9, 31].

В Санкт-Петербурге, «который пил изрядно» [13, 76], эстонское общество трезвости появилось в 1893 г. [29, 1–26]. В уставе было прописано, что «цель общества заключается в противодействии чрезмерному употреблению всяких охмеляющих

напитков среди эстонцев, проживающих в Ст.-Петербурге и Ст.-Петербургской губернии» [29, 2]. Это была стандартная формулировка для аналогичных обществ. Ориентируясь именно на уставы обществ, руководство города принимало решения о предоставлении льгот, в том числе налоговых. Так, в 1898 г. Санкт-Петербургское эстонское общество трезвости «Ustavus» («Верность») открыло столовую без уплаты городских сборов в Поварском переулке в доме № 17 [31, ф. 792, оп. 1, д. 7018, л. 1–2]. При этом современники отмечали отсутствие «особого закона, который определял бы порядок учреждения обществ трезвости, они образуются на практике различными способами, подчас от обстоятельств случайных» [5, 1].

При работе с учредительными документами необходимо учитывать, что уставные цели и задачи объединения могут не соответствовать реальной деятельности в дальнейшем. Иногда учредители принимают решение внести изменения в характер работы общества, при этом в устав изменения не вносятся. В ряде случаев цели и задачи, указанные в уставе, используются в качестве «ширмы» для иной деятельности, в том числе незаконной. В процессе настоящего исследования автору удалось выявить ряд фактов, которые позволяют усомниться в том, что исключительно борьба с пьянством являлась содержанием деятельности Санкт-Петербургского эстонского общества трезвости «Верность».

Итак, в 1893 г. был принят устав общества, а 24 апреля того же года состоялось первое организационное собрание [14, 168]. Согласно уставу, общество находилось «под наблюдением церковного совета ев. лютеранского прихода Св. Иоанна в Санкт-Петербурге» [29, 4], а в случае закрытия общества «все принадлежащее ему имущество, движимое и недвижимое, по определению общего собрания передается церковному совету» [29, 24] вышеназванного прихода. Таким образом, несмотря на тот факт, что учредителями общества значились физические лица (А. Клинк, Я. Лего, Я. Казак и др.)

[29, 24], фактическим его основателем и попечителем был крупнейший центр эстонской культуры Санкт-Петербурга – приход Св. Иоанна. Приход был центром сплочения не только петербуржцев, но и жителей губернии эстонской национальности. В начале века он насчитывал 22 000 эстонцев-лютеран Петербурга–Петрограда, 1 230 – Петергофа, 180 – Шлиссельбурга, 150 – Колпино и 100 – Сестрорецка. На протяжении длительного времени здесь проходили богослужения на эстонском языке и звучала эстонская речь, праздновались традиционные праздники [17, 175]. Однако существенной поддержки со стороны прихода Св. Иоанна в первые годы своего существования общество трезвости не получило. Более того, до 1897 г. вследствие отсутствия постоянного помещения, частой смены председателей (А. Клинк – до 1894 г., К. Панов – до 1895 г., Л. Паап – до 1895 г., М. Койк – до 1896 г., А. Янсон – до 1897 г.) работа общества продвигалась с трудом [14, 168].

В 1897 г. председателем общества был избран видный общественно-культурный деятель А. Ф. Томбах-Кальювальд (Tombach-Kaljuvald), который со студенческой скамьи (обучался в Институте восточных языков) принимал активное участие в жизни эстонской диаспоры. В дальнейшем А. Ф. Томбах прославился как первый переводчик произведений У. Шекспира на эстонский язык. Возглавив общество в 25 лет, он сумел наладить деятельность организации. Осенью 1897 г. “Ustavus” арендовал квартиру в Поварском переулке, д. 17, сформировал библиотеку и там же открыл столовую [18, 65]. В результате в Петербурге был создан настоящий эстонский народный дом, появилось место, где могли встречаться и интересно проводить свой досуг петербургские эстонцы из самых разных слоев общества – от рабочих и ремесленников до студентов и интеллигенции [14, 168]. В этом же году общество приняло участие в Общем собрании эстских обществ трезвости в Юрьеве (Тарту), где обсуждались наиболее актуальные вопросы, связанные с борьбой с повсеместным пьянством [7, 31].

В 1901 г. в обществе появилась должность «почетный председатель», которую бессменно занимал известный эстонский скульптор А. И. Вейценберг (1837–1921) [10, 1006]. Работы скульптора представлены, в том числе, и в Русском музее в Петербурге [15, 95]. В начале 1900-х гг. одним из основных мероприятий общества были семейно-танцевальные вечера, о проведении которых оно ежегодно ходатайствовало перед градоначальником [31, ф. 513, оп. 130, д. 107, л. 26]. В это же время эстонцы установили тесные связи с местными финскими и русскими обществами трезвости. Финские музыкальные коллективы и солисты часто выступали на мероприятиях эстонского общества. Его театральная деятельность началась в 1898 г., когда 21 ноября труппа дала первое представление: была показана пьеса известной эстонской писательницы Минны Кант «Кража со взломом». В 1900 г. по приглашению правления общества руководителем труппы стал русский режиссер и актер Василеостровского театра Владимир Власов. В 1903 г. труппа ставила сцены из «Гамлета» в переводе А. Ф. Томбаха [18, 66]. Интересно, что Василеостровский театр в 1906 г. был приобретен Попечительством о народной трезвости [16, 32], а режиссер В. Власов активно сотрудничал с эстонской диаспорой Петербурга. Например, в 1902 г. режиссер с труппой эстонского Благотворительного общества поставил комедию А. Островского «Не в свои сани не садись» [22, 89].

В 1898 г. начали работать смешанный и мужской хоры, был создан оркестр. Смешанным хором и оркестром стал руководить студент консерватории Михкель Людиг (1880–1958) – будущий знаменитый эстонский композитор и крупный музыкальный деятель, а мужским хором – К. Вахер. Всего в 1898 г. было проведено 87 различных мероприятий: один большой вечер с концертной программой, 40 семейных вечеров, 43 вечера для молодежи (общество трезвости первым в столице начало проводить вечера для молодежи), два музыкальных вечера и торжествен-

ное заседание в честь пятилетия деятельности общества [18, 66]. На вечерах было прочитано 54 доклада и лекции, в роли докладчиков выступил 21 лектор. Проблемам трезвости и морали было посвящено 12 докладов, литературе – 7, естествознанию – также 7, культуре и истории просвещения – 6, астрономии – 5, педагогике – 4, экономике, географии и этнографии, женскому вопросу и юмористического содержания – по два доклада, вопросам здравоохранения – один. Общество трезвости первым в столице стало проводить еще две разновидности вечеров: вечера вопросов и ответов (*küsimuse-õhtud*) и специальные вечера для молодежи (*noorerahvälõbuõhtud*). Последние ставили целью привлечь к обществу молодежь, заинтересовать ее, отвлечь от легковесных развлечений, от алкоголя [14, 168].

Успешное развитие общества во многом связано с именем А. Ф. Томбаха-Кальювальда. Он привлек сюда эстонских студентов и выпускников, многие из которых были членами и активистами одного из первых эстонских национальных обществ – «Кружок друзей». Помещения “Ustavus” часто использовались студентами для собственных встреч [14, 168]. Практически каждую субботу эстонцев – студентов высших учебных заведений можно было встретить на мероприятиях общества [33, 293]. Большинство студентов имели умеренные политические взгляды, однако все чаще стали появляться личности, которых не устраивало мнение большинства [14, 168].

В самом начале XX в. неуклонно увеличивалось число членов общества: с 36 в 1901 г. [10, 1006] до 85 в 1905 г. [11, 1008], а также бюджет и оборотный капитал. В 1901 г. были представлены сведения за 1898 г.: «Приход за 1898 г. (вместе с остатком 1897) – 1, 872 р. 60 коп.; расход – 1, 863 р. 37 коп.» [10, 1006]. К 1903 г. оборотный капитал общества заметно вырос; из данных, опубликованных в 1905 г., следует, что «приход за 1903 г. 6 485 руб., расход: 6, 004 руб.» [11, 1008]. Также в 1903 г. “Ustavus” арендовал помещения на Глазовской ули-

це в доме № 2: для устройства семейно-танцевальных вечеров и открытия столовой [31, ф. 513, оп. 130, д. 107, л. 42, 54]. На наш взгляд, деятельность А. Ф. Томбаха носила созидательный характер: общество открывало столовые, арендовало недвижимость, устраивало массовые мероприятия; с другой стороны, эстонское петербургское общество трезвости все дальше отдалялось от своей основной задачи – борьбы с пьянством. Выявленные архивные документы сообщают нам о том, что уже в 1906 г. деятельность общества начала носить коммерческий характер. Примером может служить ходатайство общества об открытии столовой без уплаты налогов «в виду того, что хозяйство в буфете ведется без отдачи в аренду и не с целью наживы» [31, ф. 513, оп. 54, д. 680, л. 11–12]. Управа постановила ходатайство отклонить по причине того, «что столовая носит самый обыкновенный характер и ничем не отличается от заведений частных владельцев, платящих городской сбор» [там же].

В 1903 г. многие эстонские национальные общества Санкт-Петербурга под руководством А. Ф. Томбаха объединились для организации торжеств, посвященных 100-летию со дня рождения основоположника эстонской национальной литературы, писателя, поэта, фольклориста, издателя Ф. Р. Крейцвальда (1803–1882). Значимую поддержку оказали активисты общества «Верность» [14, 168].

После ухода А. Ф. Томбаха с поста председателя в деятельности общества настал спад [14, 168; 18, 66]. При этом продолжали работать столовая и чайная на ул. Херсонская, 5 [12, 1010]. С. Г. Исаков отмечает, что причиной спада деятельности общества трезвости была не только смена руководителя, но и тяжелая экономическая и политическая ситуация в стране в целом: проигранная Русско-японская война, революция 1905 г., экономический кризис. Если в период подъема общество “Ustavus” было весьма богатым (основным источником доходов и здесь были многолюдные вечера), то теперь начались

финансовые трудности – затруднения с оплатой помещения [14, 168].

Вновь активизировало свою деятельность общество после 1910 г. К этому времени оно арендовало помещения на Демидовом (Гривцова) переулке в доме № 4 [10, 1021]. Эстонское студенчество и выпускники университета, вовлеченные в жизнь организации еще А. Ф. Томбахом, вновь сыграли роль основной движущей силы. При этом нельзя забывать, что эстонское студенчество было традиционно активным в политическом плане. Среди эстонцев были и левые (социал-демократы, эсеры), которые пропагандировали революционную борьбу, и умеренные активисты [3, 63]. В это же время к обществу «Верность» примкнуло эстонское молодежное общество, основанное в 1908 г. [22, 93].

Общеизвестным является тот факт, что революционеры в своей деятельности были изобретательны и часто работали под прикрытием различных общественных организаций. Обратимся к архивным источникам охранного отделения: «Большинство членов С.-Петербургского эстонского общества трезвости “Ustavus” принадлежат к местной социал-демократической организации, ввиду чего во время устраиваемых этим обществом танцевальных вечеров и различных собраний почти всегда обсуждаются текущие вопросы партийной жизни. Названным обществом в 1910 г. были выпущены для сбора пожертвованных книжки-тетрадки, обнаруженные так же по обыскам, произведенным в октябре того же года в ликвидацию местной социал-демократической организации, у членов этой организации крестьян Лифляндской губернии, Перновского уезда Михкеля и Адо Лаусовых Тальц и крестьян Лифляндской губернии Юрьевского уезда Юлиуса Карпова Педаяс, причем последний состоял председателем эстонского общества трезвости “Ustavus”, а Михкель Тальц – секретарем. <...> По имеющимся в отделении сведениям, значительная часть средств, собранных по указанному выше книжкам, было израс-

ходовано на партийные нужды упомянутой организации, а также на революционный “Красный Крест”. На этом же предмете и в настоящее время производятся отчисления из денежных сборов с различного рода платных вечеров, устраиваемых обществом. Так, было отчислено в пользу революционного “Красного Креста” 50 % из суммы, вырученной от продажи цветов во время одного из спектаклей, бывших осенью 1911 г., и 10 руб. из дохода от музыкально-литературного вечера, состоявшегося 26 декабря 1911 г. <...> Кроме того, общество предполагает обратить внимание на партийные нужды часть дохода от благотворительного базара, имеющего быть в воскресенье 5-го февраля в доме № 54 по Офицерской улице...» [31, ф. 569, оп. 13, д. 528, л. 37–38].

Помимо вышеизложенного доклада охранного отделения Санкт-Петербургскому градоначальнику поступил доклад пристава: «Сегодня, в 4-м часу пополудни мною было получено сообщение охранного отделения о том, что в 3 часа пополудни в концертном зале гимназии Федоровой (Малая Гребецкая, 3) состоится собрание членов общества трезвости “Ustavus”, во время которого предполагается прочесть неразрешенный реферат, и что на этом же собрании будут присутствовать посторонние лица. При этом охранное отделение просило проверить всех присутствующих на собрании: состоят ли они членами названного общества, и, в случае, если окажутся посторонние лица, переписать их личность. Лиц же не назвавшихся или неправильно назвавших свой адрес – задержать. <...> По прибытии на собрание оказалось, что на таком присутствовало 35 лиц, и по проверке полномочий присутствовавших выяснилось, что именных повесток ни у одного из присутствовавших, как надлежало бы, не оказалось, членские же билеты оказались только у 6 лиц...» [31, ф. 569, оп. 13, д. 528, л. 36].

Основываясь на докладах милицейского пристава и охранного отделения, градоначальник ходатайствовал перед министром МВД о незамедлительном закры-

тии общества, однако в своем ответе министр не поддержал его: «...не усматривая из сообщенных Вами данных о деятельности названного общества достаточных оснований к немедленному его закрытию, прошу Ваше превосходительство иметь самое строгое наблюдение за этим обществом и по собрании подробных сведений о его деятельности, служащих действительным основанием для его закрытия, войти об этом с представлением в Министерство» [там же, л. 64]. Спустя несколько месяцев градоначальник повторно ходатайствовал о закрытии общества, однако МВД вновь ответило отказом [там же, л. 36]. Сегодня можно лишь предполагать, почему МВД не увидело достаточных оснований для закрытия общества трезвости, на протяжении нескольких лет занимавшегося коммерческой деятельностью, которая, как оказалось в дальнейшем, еще и была направлена на финансирование эстонских социал-демократов. Следует добавить, что секретарем общества трезвости некоторое время был будущий известный революционер, большевик Виктор Кингисепп, который приехал в Петербург для обучения в университете в 1906 г. [18, 68].

Сохранились воспоминания сестры В. Э. Кингисеппа М. Алабаевой. В них она упоминает и национальные петербургские общества: «В Петербурге имелись рабочие общества, объединявшие эстонцев, – “Общество работающих по найму”, “Общество трезвости”. Они действовали открыто, с разрешения властей. Но если умно вести дело, то можно было использовать эти общества для революционной пропаганды. Виктор часто бывал здесь, беседовал с рабочими, сначала на невинные темы, а потом на “крамольные”. Многие из этих рабочих позже стали большевиками» [1, 113]. При этом нельзя переоценивать роль В. Э. Кингисеппа как активиста общества «Верность»: по данным архивных источников [31, ф. 569, оп. 13, д. 528, л. 25] он был избран секретарем 11 сентября 1911 г., а уже 12 февраля 1912 г. его сменил Р. К. Рейнберг (мещанин из Таллина (Ре-

веля)) [там же, л. 33–34]. Петербургский исследователь Г. В. Старовойтова отмечала [23, 46], что о деятельности В. Э. Кингисеппа в эстонском обществе трезвости мы можем более подробно ознакомиться в ГИАЛО (ныне ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 13, д. 940). Однако обращение к данному архивному источнику показало, что он посвящен сведениям охранного отделения исключительно об эстонском студенте Политехнического университета А. Г. Орге, который стал учредителем Санкт-Петербургского общества взаимопомощи студентов [31, ф. 569, оп. 13, д. 940, л. 1–5].

Можно с уверенностью констатировать, что к 1910 г. борьба с пьянством Санкт-Петербургского эстонского общества трезвости “Ustavus” использовалась в качестве «ширмы» для сбора средств на нужды эстонской социал-демократической партии и пропаганды революционных идей. “Ustavus” по-прежнему был неразрывно связан с эстонским приходом Св. Иоанна, расположенным на Офицерской (Декабристов) улице в доме № 54. Биограф В. Э. Кингисеппа Д. Руднев ссылается на жандармскую сводку, «в которой сказано, что 3 октября 1910 года Кингисепп принимал участие в неразрешенной социал-демократической сходке в доме № 54 на Офицерской улице» [21, 64]. Знали ли члены церковного совета прихода об истинных целях проводимых обществом мероприятий, были ли некоторые из них социал-демократами или же просто не придавали существенного значения политической идеологии членов “Ustavus” – однозначного ответа на эти вопросы мы дать не можем.

К 1917 г. Санкт-Петербургское (Петроградское) эстонское общество трезвости, как и иные многочисленные национальные общества революционного Петрограда, прекратило свое существование. Практически за 30 лет деятельности общество сменило многих председателей и активистов. Основанное для борьбы с пьянством, оно наряду с другими национальными объединениями нацеливало петербургских эстонцев на сохранение

эстонской традиционной культуры – служило местом, где петербургские эстонцы могли услышать родную речь, исполнить и послушать песни на эстонском языке, потанцевать под эстонскую традиционную музыку. На протяжении значительного периода времени общество “Ustavus” объединяло социал-демократов и пропагандистов революционных идей. Тем не менее нельзя преувеличивать значение «Верности» в распространении революционных идей среди эстонского населения Петрограда. Этот аспект деятельности общества “Ustavus” показывает активную и многолетнюю работу социал-демократов по подготовке революции 1917 г. и, самое главное, массовость и тщательность проведения агитационной работы среди различных групп населения.

Изучение деятельности национальных обществ стало особенно актуально в постсоветский период: с 1990-х гг. в Российской Федерации начали повсеместно возрождаться и создаваться национальные объединения. В настоящее время в Петербурге насчитывается около 200 национально-культурных общественных организаций [20, 3–4]. Структура обществ, их цели и задачи в целом не сильно изменились в сравнении с дореволюционным периодом. Сформированные по этническому принципу, они стремятся к расширению взаимодействия с национально-культурными организациями других регионов страны. Сегодня национальные объединения являются неотъемлемым компонентом современного гражданского общества не только Петербурга, но и России в целом.

Поступила 20.01.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Алабаева, М.* (Kingisepp). Мой старший брат. Воспоминания / М. Алабаева. – Таллин, 1974. – 155 с.
2. *Афанасьев, А. Л.* Трезвенное движение в России. 1907–1914 : опыт оздоровления общества / А. Л. Афанасьев. – Томск, 2007. – 200 с.
3. *Баринов, Д. А.* Национальные корпорации студенчества Петербургского университета в начале XX века // Клио № 1. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 61–68.
4. *Вестник трезвости* № 4. – Санкт-Петербург, 1894. – 31 с.
5. *Вестник трезвости* № 8. – Санкт-Петербург, 1894. – 39 с.
6. *Вестник трезвости* № 11. – Санкт-Петербург, 1894. – 20 с.
7. *Вестник трезвости* № 31. – Санкт-Петербург, 1897. – 37 с.
8. *Вестник трезвости* № 51. – Санкт-Петербург, 1906. – 41 с.
9. *Вестник трезвости* № 65. – Санкт-Петербург, 1900. – 41 с.
10. *Весь Петербург за 1901 год.* – Санкт-Петербург, 1901. – 1902 с.
11. *Весь Петербург за 1905 год.* – Санкт-Петербург, 1905. – 1987 с.
12. *Весь Петербург за 1906 год.* – Санкт-Петербург, 1906. – 1996 с.
13. *Всероссийский вестник трезвости* № 2. – Санкт-Петербург, 1911. – 38 с.
14. *Исаков, С. Г.* Эстонские общества и организации в Петербурге в XIX – первые годы
1. *Alabaeva, M.* (Kingisepp), (1974), My elder brother. Memories, Tallinn.
2. *Afanasyev, A. L.* (2007), Temperance movement in Russia. 1907–1914: experience of rehabilitation society, Tomsk.
3. *Barinov, D. A.* (2016), National Corporation of Saint Petersburg University students at the beginning of XX century, Clío № 1, Saint Petersburg, p. 61–68.
4. *Temperance Bulletin* (1894), 4, Saint Petersburg.
5. *Temperance Bulletin* (1894), 8, Saint Petersburg.
6. *Temperance Bulletin* (1894), 11, Saint Petersburg.
7. *Temperance Bulletin* (1897), 31, Saint Petersburg.
8. *Temperance Bulletin* (1906), 51, Saint Petersburg.
9. *Temperance Bulletin* (1900), 65, Saint Petersburg.
10. *All Petersburg for the year 1901* (1901), Saint Petersburg.
11. *All Petersburg for the year 1905* (1905), Saint Petersburg.
12. *All Petersburg for the year 1906* (1906), Saint Petersburg.
13. *The Russian Temperance Bulletin* (1911), № 2, Saint Petersburg.
14. *Isakov, S. G.* (2004), Estonian society and organizations in Saint Petersburg.
15. *Kononov, E. G.* (2008), New full bibliographical dictionary of Russian artists, Moscow.

- XX в. и их культурно-просветительная деятельность // Россия и Балтия : (сб.). Вып. 3. – М., 2004. – С. 156–187.
15. Коновалов, Э. Г. Новый полный библиографический словарь русских художников / Э. Г. Коновалов. – Москва, 2008. – 576 с.
 16. Краткий очерк деятельности С.-Петербургского городского попечительства о народной трезвости 1898–1912. – Санкт-Петербург, 1913. – 46 с.
 17. Курило, О. Лютеране в России / О. Курило. – Минск, 2002. – 400 с.
 18. Мусаев, В. И. Эстонская диаспора на Северо-Западе России во второй половине XIX – первой половине XX в. / В. И. Мусаев. – Санкт-Петербург, 2009. – 211 с.
 19. Прием Государем Императором деятелей церковных обществ трезвости // Трезвая жизнь. – 1913. – № 5. – С. 597–600.
 20. Романова, Н. М. Современные национально-культурные общественные организации Санкт-Петербурга / Н. М. Романова. – Санкт-Петербург, 2007. – 164 с.
 21. Руднев, Д. Жизнь Виктора Кингисеппа / Д. Руднев. – Таллин, 1986. – 366 с.
 22. Самойлов, В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873–1917 гг.) // Старый Петербург : историко-этнографическое исследование. – С. 80–93.
 23. Старовойтова, Г. В. Этническая группа в современном городе / Г. В. Старовойтова. – Ленинград, 1982. – 174 с.
 24. Устав Валкского эстонского общества трезвости Лифляндской губернии. – Валк, 1905. – 29 с.
 25. Устав Перновского эстонского общества трезвости под названием «Свет» (Валгус) : [утв. 29 сент. 1890 г.]. – Tartus, 1890. – 16 с.
 26. Устав Рижского эстонского общества трезвости : [утв. 30 мая 1900 г.]. – Юрьев, 1900. – 31 с.
 27. Устав эстонского общества трезвости в городе Гапсале под названием «Кунгла» : [утв. 12 мая 1895 г.]. – Ревель, ценз. 1895. – 15 с.
 28. Устав эстонского общества трезвости под названием «Друг трезвости» (Карскузе сыбер) : [утв. 4 мая 1891 г.]. – Tartus, 1891. – 24 с.
 29. Устав эстонского общества трезвости под названием «Ustavus» (Верность) : [утв. 6 марта 1893 г.]. – Tartus, 1893. – 26 с.
 30. Устав Ямбургского эстонского общества трезвости. – Нарва, 1911. – 19 с.
 31. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 513; 569; 792.
 32. Шинман, И. Слово эстонца о народном пьянстве // Вестник трезвости № 80. – Санкт-Петербург, 1901. – С. 24–30.
 33. Pullat, R. Lootuste linn Peterburi ja eesti haritlaskonna kujunemine kuni 1917. – Tallinn, 2004. – 502 p.
 16. A brief report of the activities of the Saint Petersburg Society of national temperance 1898–1912 (1913), Saint Petersburg.
 17. Kurilo, O. (2002), Lutherans in Russia, Minsk.
 18. Mусаev, V. I. (2009), Estonian diaspora in the Northwest of Russia in second half XIX – first half of XX century, Saint Petersburg.
 19. Temperance life (1913), Meeting of the Emperor with the church leaders of temperance societies, Temperance life, № 5, p. 597–600.
 20. Romanova, N. M. (2007), Modern national-cultural public organizations of Saint Petersburg, Saint Petersburg.
 21. Rudnev, D. (1986), The life of Victor Kingisepp, Tallinn.
 22. Samoilov, V. A. Estonian theater and some features of the cultural life of Estonians in Saint Petersburg (1873–1917), Old Petersburg: historical and ethnographic research, p. 80–93.
 23. Starovoitova, G. V. (1982), Ethnic group in a modern city, Leningrad.
 24. The Charter of Valka Estonian Temperance Society of Governorate of Livonia (1905), Valk.
 25. Charter of Pernov Estonian Temperance Society “Light” (Valgus): [approved. Sep 29. 1890] (1890), Tartus.
 26. Charter of Riga Estonian Temperance Society: [approved. May 30, 1900] (1900), St. George’s.
 27. Charter of Estonian Temperance Society “Kungla” in the city of de Hapsal [approved. May 12, 1895] (1895), Revel qualification.
 28. Charter of the Estonian Temperance Society “Friend of sobriety” (Karskuze syber): [approved. May 4, 1891] (1891), Tartus.
 29. Charter of Estonian Temperance Society “Ustavus” (Fidelity): [approved. March 6, 1893] (1893), Tartus.
 30. Charter of Yamburgskiy Estonian Temperance Society (1911), Narva.
 31. Central State History Archive of Saint Petersburg. F. 513, 569, 792.
 32. Shinman, I. (1901), Estonian word about national drunkenness, Temperance Bulletin, 80, Saint Petersburg, p. 24–30.
 33. Pullat, R. (2004), Lootuste linn Peterburi ja eesti haritlaskonna kujunemine kuni 1917, Tallinn.